

П. А. Вяземский

О Ламартине и современной французской поэзии

Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. -- М.: Худож. лит., 1982. -- Т. 2. Литературно-критические статьи. Сост., подг. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. 1982.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Ламартин¹ из новейших поэтов французских более других знаком читателям нашим; после него Казимир де ла Винь² и частью Беранже. Но имена Виктора Гюго, Сент-Бева (Sainte-Beuve), издавшего первый том своих стихотворений под псевдонимом Жозефа-де-Лорма, а другой недавно под названием "Утешений" ("Les Consolations")³, Альфреда де Виньи, переводчика "Венецианского мавра" и следовавшего в своем переводе Шекспиру столько, сколько французская совесть, хотя ультраромантическая, следовать позволила; а имена нескольких поэтов-женщин: Дельфины Ге⁵, Деборд де Вальмор⁶ и еще некоторые другие имена, блестящие в нынешнем созвездии французской поэзии, едва знакомы нам и по одному слуху. Это жаль. Поэзия французская и вообще литература находится ныне в любопытном кризисе, который по крайней мере изучать полезно. Наша литература как-то совершенно отделилась от европейской. Запретительный тариф, бог знает от какой власти изданный, пресек сообщения наши с чужими державами, то есть по части торговли привозной, а вывозная наша процветает, сколько может, и на литературных европейских рынках романы наши разве чем немногим пониже в цене романов китайских и гренландских. Это освобождение от влияния чужестранцев хорошо, если развивает собственную промышленность. Если же нет, то независимость наша не есть приобретение, а урон. Между тем, отказавшись от чужих произведений, мы своих не изобретаем, не заводим русской выделки, а все (разумеется, за некоторыми исключениями) работаем на манер такого-то английского или немецкого мастера. В этом есть даже какое-то трогательное смирение, подобное тому, с которым наши русские мастеровые придают иностранные ярлыки домашней своей работе, никак не надеясь на одно имя свое. Где-то, кажется на Арбате, была следующая вывеска: "Гремислав, портной из Парижа". В портняжном литературном ремесле встречаются также свои Гремиславы. Прежде переводили у нас и Делилей, и Флорианов, и Лагарпов, не говорю уже о первостатейных поэтах, но крайней мере, переводы эти разнообразили движения нашего поэтического языка. Теперь сохрани боже быть переводчиком французского поэта; но переводить немецких, английских поэтов с французского перевода можно, а еще лучше писать в духе такого-то поэта, не понимая духа его и зная только по слуху и то потому, что земля слухом полнится. Странные и жалкие противоречия, заставляющие литературу нашу двигаться взад и вперед, не трогаясь почти с места.

Обратимся к Ламартину. Он у нас в особенности поэт женского пола. Если можно применять поэта к романисту, то он в глазах читательниц возвышается именно достоинством, коего недостаток столь вредит Вальтер Скотту перед судом женского трибунала. Любовь есть струна, которая более других звучит под рукою Ламартина, и любовь точно такая, какую женщины любят, по крайней мере в стихах. В романах шотландца любовь, напротив, часто посторонняя принадлежность, и где она и высказывается, то слишком просто, не логagriфом сердца, а ясною истиною его, и прекрасною своею истиною. Спросите у поклонников французского поэта, что им нравится в его стихотворениях? -- А меланхолические аксиомы, подобно следующей, отвечают они: "Un seul etre me manque, et tout est depeuple" {Одного существа мне не хватает, и все обезлюдело (*фр.*)}. Таким заявлением надеются они запечатлеть тотчас молчанием уста дерзнувшего спрашивать о том, что уже не подлежит ни вопросу, ни сомнению.

Вот отчего первая часть поэтических дум Ламартина вообще нравится более, чем вторая, в которой, да простят нам чувствительные души наше святотатство, более силы, более дарования, чем в первой. В подтверждение мнения нашего укажем на стихотворения: "Бонапарте", "Умирающий поэт". Несмотря на суждение наше, спешим сказать, что Ламартин истинный поэт; жаль, что по системе, принятой им, он выливает мысли и чувства свои в одну форму и смотрит на мир с одной точки зрения. Объятый умилением любви или религии, он всегда одинаково любит и молится. В лире его будто одна струна, один строй, между тем не видать, чтобы в душе была одна страсть, одно чувство, а разве одна привычка. Чем же изъяснить общий успех, который приветствовал поэта при самом появлении его? Он явился в пору: вдохновение, сие призвание свыше, или догадка, сие вдохновение ума, взвели его разом на успех неминуемый. Явись он во Франции десятью годами ранее или десятью позже, и он был бы в первом случае слишком странен, в другом -- не довольно оригинален. Успех его изъясняется первыми успехами